

Жизнь вновь постепенно вошла в своё привычное, спокойное русло, и внешне проживаемые дни ничем не отличались от прежних.

Ранним утром Чу Юнь проснулся в теплых объятиях Ши Цзяня и, ещё не до конца придя в себя после глубокого сна, инстинктивно потянулся за поцелуем – так, словно это был не он совсем недавно подвергал другого жестоким унижениям.

– Хорошо спалось? – сонно пробормотал молодой господин, уютно уткнувшись носом ему в шею.

Ответом стал лёгкий, почти невесомый поцелуй в щеку:

– Очень хорошо.

Однако когда позже, за обеденным столом, Ши Цзянь обернулся на звук и попытался вежливо поздороваться, в ответ он получил лишь ледяное, гнетущее молчание. Чу Юнь, на ходу набрасывая на плечи пиджак, стремительно направился к выходу, даже не удостоив его мимолётным взглядом.

Лишь Ли Чжися, как и всегда, поспешно и почтительно поклонился и, семеня короткими шагами, бросился следом за молодым господином.

Улыбка на губах Ши Цзяня угасла в то самое мгновение, когда спина Чу Юня окончательно скрылась за дверью. Под аккомпанемент неизбежного, тихого и одинокого стука столовых приборов о фарфор он в полном одиночестве доел свой завтрак.

Впрочем, Ши Цзянь быстро заставил себя забыть обо всём этом.

Чу Юнь стал возвращаться домой гораздо реже, чем прежде. Иногда он появлялся в дверях лишь глубокой ночью.

Когда резкий свет автомобильных фар прорезал плотные шторы, Ши Цзянь, который всё это время сидел у окна в томительном ожидании этого единственного луча, поспешно задерживал занавески. Он притворялся спящим ещё до того, как Чу Юнь переступал порог дома.

Он отчетливо слышал глухой стук кожаных туфель по полу и по привычке, почти механически, считал шаги, которые каждый божий день обрывались в одном и том же месте.

Двери комнат одна за другой открывались с едва слышным щелчком, и наконец, после последней, раздавались чёткие, уверенные шаги. В комнату врвался слабый, едва уловимый запах алкоголя – это возвращался тот, кого Ши Цзянь так отчаянно ждал.

Обострённое притворным сном обоняние улавливало в этом лёгком спиртном духе знакомый, особенный аромат, присущий только одному Чу Юню.

Раздался характерный шорох – Чу Юнь тяжело опустился на край кровати, и матрас под его весом слегка прогнулся.

В наступившей густой тишине Ши Цзянь мысленно, с предельной точностью, рисовал образ Чу Юня. Он представлял, что сейчас, в этой непроглядной темноте, Чу Юнь внимательно разглядывает его лицо – лицо, которое так сильно и необъяснимо его влечёт.

Интересно, существует ли там, в этой недоступной для него глубине души, та нежная, искренняя любовь к другому человеку, о которой Ши Цзянь не смел даже мечтать?

Наконец, от человека стало исходить ощутимое тепло – этот долгий день окончательно подходил к концу.

Теперь Ши Цзянь мог открыть глаза.

Чу Юнь, охмелевший и предельно утомлённый, с затуманенным сознанием, прижимался к нему. Его движения, когда он тёрся о Ши Цзяня, были тяжёлыми, почти механическими, но в них сквозила невыразимая, почти болезненная жажда зависимости.

Ши Цзянь крепче сжимал руки, обнимая его, и лишь спустя долгое время, когда дыхание в его объятиях становилось глубоким, ровным и спокойным, он медленно разжимал пальцы.

Он осторожно вставал, включал настенный светильник и в тусклом, приглушённом свете ночника помогал Чу Юню снять галстук, освобождал его от серебряных зажимов на рукавах рубашки. Если зажимы для рубашки на поясе слегка ослабевали, у Ши Цзяня появлялась дополнительная, кропотливая работа.

Пока он неспешно возвращал Чу Юню комфорт, это соблазнительное тело оставалось в его полной власти. Ши Цзянь опускал взгляд, дюйм за дюймом внимательно осматривая бёдра, перетянутые чёрными кожаными ремешками, и гадал, где же он был сегодня, раз сохранил такую безупречную, строгую выправку.

Ши Цзянь чувствовал себя словно преданная жена-домохозяйка, дожидаящаяся мужа с пышного банкета и делающая всё возможное, чтобы в те моменты, когда супруг не осознавал происходящего, ему было как можно удобнее.

Когда он осторожно коснулся щеки Чу Юня, ставшей особенно горячей от выпитого алкоголя, его руку внезапно и крепко перехватили.

Ши Цзянь посмотрел в прищуренные, затуманенные глаза Чу Юня и ответил ему мягкой, понимающей улыбкой.

- Чего? - невнятно пробормотал Чу Юнь.

- Спи, - тихо успокоил его Ши Цзянь.

- Неудобно, - Чу Юнь недовольно нахмурился и тяжело вздохнул.

Ши Цзянь кончиками пальцев нежно, почти невесомо провёл по его щеке и склонился, чтобы оставить ласковый поцелуй на лбу.

- Хороший мой Юнь-юнь, спи.

Чу Юнь слабо улыбнулся, едва заметно сжал его ладонь, и их пальцы снова тесно сплелись.

Когда пальцы окончательно переплелись, Чу Юнь издал какой-то невнятный звук, и Ши Цзянь послушно лёг рядом, позволяя пушистой голове снова устроиться у себя на плече.

- Любишь меня? - спросил Чу Юнь.

Ответа не последовало.

В отместку Чу Юнь слегка, почти игриво укусил его за шею.

- Смеешь меня не любить?

- Не смею, - прошептал Ши Цзянь.

- Тогда скажи.

Ши Цзянь опустил голову, нашёл губы, пахнувшие дорогим вином, и слился с ним в долгом, глубоком поцелуе.

Между прерывистыми, сбивчивыми вздохами он тихо прошептал:

- Я люблю тебя.

Это был единственный момент, единственный краткий миг, когда Ши Цзяню позволялось произнести эти слова вслух.

- Завтра люби меня ещё сильнее.

- Конечно, - ответил Ши Цзянь.

Эта невнятная, пропитанная алкогольным дурманом нежность всегда заканчивалась глубоким, беспробудным сном.

Ши Цзянь обнимал Чу Юня, глядя на настенный светильник, который так и не успел выключить.

Он знал: помнить эту ночь будет только он один, а просьба «завтра люби меня ещё сильнее» – это лишь прекрасный, хрупкий сон, который Ши Цзяню никогда не суждено воплотить в реальную жизнь.

Такие ночи случались нечасто и пролетали мгновенно, словно мираж.

С приходом первого утреннего света всё неизбежно возвращалось на круги своя, и Ши Цзянь продолжал жить своим привычным, размеренным днём.

Он втайне ждал, что внезапные перемены в настроении Чу Юня внесут хоть каплю волнения, хоть какой-то живой искры в его существование, но холод и отчуждённость в воздухе никогда не рассеивались окончательно.

Он жил по строгому расписанию: вовремя ел, тщательно изучал сценарий, практиковал реплики в оранжерее, которая была до краёв полна экзотических цветов и растений.

Иногда он проводил длительные онлайн-совещания с режиссёром, который в то время находился за границей.

После того как Ли Чжися привёл к нему того самого знаменитого скрипача, чтобы тот засвидетельствовал своё почтение, в расписании Ши Цзяня появился ещё один обязательный пункт – уроки игры на скрипке...

Скрипка оказалась делом невероятно сложным! Даже мастер мирового уровня не смог бы научить кого-то играть по-настоящему за такой короткий срок, но Ши Цзянь старался изо всех сил. Впрочем, ему было достаточно лишь освоить правильную позу и передать внутреннее состояние настоящего скрипача во время игры.

Из-за этого в особняке регулярно раздавались звуки, подозрительно похожие на неумелое пиление дерева, но персонал, напротив, слушал их с искренним удовольствием – казалось, эта странная музыка добавляла дому немного жизни.

Каждое дело, каждый день повторялись, шли своим чередом, без малейших потрясений и срывов.

Мобильный телефон у Ши Цзяня выполнял лишь свою самую базовую функцию - гарантировать, что Чу Юнь сможет найти его в любой момент. Другие возможности устройства для Ши Цзяня практически не существовали.

С определённой точки зрения, для нынешнего Ши Цзяня такая изоляция стала своего рода непреднамеренной защитой.

Он был полностью отрезан от внешних новостей и потому даже не подозревал, какая яростная буря пыталась сокрушить его за высокими стенами особняка.

Новости, старые сплетни, выдуманные на ходу скандалы - всё это обрушивалось на развлекательные порталы, словно бурный, неуправляемый поток, на мгновение заполняя пустоту в скучной жизни публики, а затем бесследно исчезая в цифровом шуме.

Суэта и раздоры - обычное, повседневное дело в жестоком мире шоу-бизнеса.

Развлекательные СМИ никогда не заботились об истине, их интересовали исключительно клики, просмотры и охваты.

А для развлекательных компаний негативные репортажи всегда были лучше, чем полное забвение, ведь в этой индустрии молчание означало окончательное исчезновение.

Однако отношение Редженс Медиа к статьям о Ши Цзяне было весьма тонким, можно даже сказать - исключительно жёстким.

Все негативные высказывания о нём быстро и эффективно пресекались пиар-отделом, а некоторые печально известные газетёнки, специализирующиеся на грязных сплетнях, получали строгие, недвусмысленные предупреждения.

Люди с упоением обсуждали эту редкую для Редженс Медиа решительную защиту артиста.

Кто-то предполагал, что это вовсе не продуманная стратегия продвижения, а «особые отношения» между главой Редженс Медиа госпожой Чу Хуан и Ши Цзянем. Намеки на двусмысленный, тайный роман между дочерью финансового магната и топовым артистом на какое-то время стали главной темой для разговоров во всех кулуарах.

Хотя СМИ активно муссировали эти слухи, они по молчаливому согласию не переходили границ дозволенного.

Этого было достаточно: ещё один неосторожный шаг – и они могли навлечь на себя сокрушительный гнев старшей госпожи Чу.

Интернет-пользователям, конечно, не нужно было проявлять такую осторожность, и они с неистовым энтузиазмом спорили в сети, правда это или нет. Фанаты, которые даже не могли увидеть своего кумира вживую за пределами экрана, злились ещё сильнее, утверждая, что такая изоляция больше похожа на намеренное «замораживание» карьеры.

Другие же, напротив, возражали: мол, в их практике не встречалось случаев, чтобы карьеру «замораживали», одновременно предоставляя артисту лучшие ресурсы индустрии.

Это было неоспоримой правдой, и перед этим аргументом спорщики обычно умолкали.

Чу Хуан, к всеобщему удивлению, даже не попыталась опровергнуть эти слухи, предпочтя тактику полного игнорирования. В конце концов, для неё любые оправдания по поводу предполагаемого «романа» с собственным подопечным были ниже её достоинства и совершенно бессмысленны.

Когда ей, как и следовало ожидать, позвонил разъярённый Чу Юнь, она даже не прикоснулась к телефону. Приняв аппарат из рук Сун Ичжоу, она холодно бросила брату несколько фраз:

- Тебе следует решать проблемы самостоятельно, а не беспокоить меня.

Чу Хуан не привыкла говорить обиняками, и даже опасалась, что младший брат может чего-то

не понять, поэтому разжевала всё до мельчайших подробностей:

- Если бы сегодня главой Редженс Медиа или Чэньхуа был ты, неужели ты бы сейчас бегал повсюду и умолял о помощи, тратя моё драгоценное время на эти пустяки?

- Умолять?

Последний звук в трубке, казалось, был настолько острым, что вот-вот пронзит руку Сун Ичжоу.

Но выражение лица Чу Хуан не дрогнуло ни на миг.

- Многие вещи исчезнут сами собой, как только ты станешь достаточно сильным, и мне даже не придётся вмешиваться.

Чу Хуан добавила:

- Когда ты займёшь своё место – место достаточно высокое, чтобы смотреть на всех остальных сверху вниз, – кто-то замолчит сам по себе, а остальное даже не дойдёт до твоих ушей. Это просто не стоит и упоминания.

Чу Юнь горько усмехнулся:

- Я и так нахожусь достаточно высоко. А выше – лишь холод одиночества.

- Вот как? – Чу Хуан, втайне тронутая тем, что он использовал классическую цитату, слегка изогнула губы в подобии улыбки. Подписав последний документ, она наконец взяла трубку в свою руку и произнесла: – А если бы ты не носил фамилию Чу?

На том конце провода воцарилось тяжёлое молчание, которое вскоре сменилось ещё более легкомысленным и язвительным смехом:

- Сестра, если бы ты сама не носила фамилию Чу, вряд ли смогла бы поднять Редженс Медиа на такие высоты. Раз мы оба получаем выгоду от этой фамилии, значит, твой «Чу» ценнее моего? Что ж? Мне не стоило возвращаться? Так было бы лучше, если бы одним Чу в этом мире стало меньше?

На этот раз Чу Хуан повесила трубку быстрее, чем Чу Юнь, окончательно исчерпав последние капли терпения к этому невыносимому мальчишке.

Она была разгневана, но в то же время в глубине души ей стало жаль, что он так безжалостно задел струны их общего прошлого.

Чу Хуан вернула телефон Сун Ичжоу и, подперев лоб рукой, попыталась успокоиться.

Спустя долгое время она смутно подумала о том, что снисходительность Чу Мян к нему, вероятно, проистекает из того, как этот парень умеет незаметно и точно ранить в самое сердце.

Этот маленький негодяй, виртуозно искажающий чужие слова, вызывал у неё одновременно и яростный скрежет зубов, и полное бессилие.

Рождение в семье Чэньхуа – это колоссальное преимущество, оставленное предками. С какой стати из-за ссоры с семьёй нужно отказываться от использования таких невероятных ресурсов?

Иметь возможность и не пользоваться ею – верх глупости.

Чэньхуа принадлежит и ей тоже, и вклад корпорации в её карьеру – это не милость, а обязанность Чэньхуа и право, которое Чу Хуан заслужила своим трудом.

Чу Юнь был настолько неамбициозен в этом вопросе, что Чу Хуан просто нечего было ему сказать, да и желания не было.

Она строго предупредила Сун Ичжоу: с сегодняшнего дня и до самого окончания съёмок фильма «Под суетой» любые звонки от Чу Юня принимать запрещено.

За всякое спокойствие приходится платить.

И используемые для этого ресурсы сгорали миллиардами, превращая все внешние голоса и

сплетни в рассеивающийся дым.

Дни продолжали сменять друг друга, сценарий был перечитан бесчисленное множество раз, и день начала съёмок наступил почти незаметно.

Несмотря на всё то, что творилось снаружи, на съёмочной площадке царил невероятное, почти осязаемое возбуждение.

Картина «Под суетой» с самого первого этапа планирования приковывала к себе всеобщее внимание. Лучшая в индустрии команда и практически неограниченный бюджет – такая конфигурация ясно давала понять, что фильм нацелен на покорение самых высоких вершин мирового кинематографа.

Съёмочная группа собралась на площадке ещё до рассвета; люди суетились взад-вперёд, оборудование проверяли снова и снова, чтобы исключить любую ошибку.

Чжэн Юаньшэн прибыл на площадку за полчаса до назначенного времени и вместе с оператором-постановщиком и помощником режиссёра многократно сверял последовательность кадров и ритм первой сцены.

Человек, который в обычное время не отличался особой строгостью, на площадке стал настолько бесстрастным и сосредоточенным, что никто не осмеливался лишней раз открыть рот.

Все нервы были на пределе. Фильм, на который возлагали такие колоссальные надежды, наконец начинал сниматься, и в глазах каждого участника процесса читались трепет и жажда успеха.

Разумеется, больше всего внимания было приковано к Ши Цзяню.

Ещё до того, как он ступил на площадку, сотрудники, которые никогда не видели его вживую, невольно и с замиранием сердца поглядывали на вход.

Все разговоры, существовавшие за пределами кино, можно было отложить в сторону – здесь, на

съёмочной площадке, Ши Цзянь был бесспорным и единственным центром внимания.

В конце концов, это был тот самый киноактёр, который потряс весь мир своим триумфальным появлением в «Безымянной птице».

Насколько высока реальная цена титула «гений» и «последний художник века», присвоенного ему в столь юном возрасте, – сегодня профессионалы индустрии наконец могли убедиться в этом лично, и, конечно, их переполняло волнение.

Те, кто не разбирался в тонкостях кино, были взволнованы самой возможностью увидеть Ши Цзяня, а те, кто был в этом искущён, – предвкушением его игры.

Наконец, помощник режиссёра тихо напомнил:

- Режиссёр, актёр на месте.

Чжэн Юаньшэн поднял голову.

Вся площадка дружно повернула головы в сторону входа, заставив вошедшего невольно замереть на месте под этим массивным взглядом.

Ши Цзянь молчал.

Сюй Ван, заметив его замешательство, тихо напомнил о себе и осторожно повёл его дальше.

Слушая бесконечные приветствия вокруг, Ши Цзянь чувствовал себя так, словно у него случилось раздвоение личности: одна его часть вежливо и достойно здоровалась с каждым встречным, в то время как другая оставалась холодной, отстранённой и словно онемевшей.

Больше всего ожиданий на Ши Цзяня возлагал, конечно, режиссёр Чжэн Юаньшэн.

Он уже был знаком с Ши Цзянем, поэтому не стал тратить время на пустые любезности. Многочисленные обсуждения в сети и за её пределами вселили в него полную уверенность в

выборе главного героя.

- Всё в твоих руках, - коротко сказал он.

Ши Цзянь не знал, ответил ли он что-то в этот момент, или же часть его памяти просто стёрлась, оставив лишь пустоту.

- Учитель Ши, пройдите, пожалуйста, по точкам, мы проверим движение камеры по рельсам, - тихо подсказал исполнительный режиссёр.

Ши Цзянь кивнул и медленно подошёл к отмеченному месту, но его взгляд никак не мог сфокусироваться на реальности.

Он опустил голову, глядя на пол, и на мгновение плотно закрыл глаза, пытаясь войти в образ своего персонажа.

Все взгляды были устремлены на Ши Цзяня.

Однако перед камерой Ши Цзянь выглядел совсем не так, как все ожидали.

Чжэн Юаньшэн нахмурился. Он долго не давал команду «стоп», пристально разглядывая Ши Цзяня через объектив, а затем переключаясь на него самого в реальности.

Наконец, Ши Цзянь начал неосознанно избегать взгляда камеры.

Чжэн Юаньшэн скомандовал:

- Стоп!

Помощник режиссёра тут же последовал за ним:

- Пауза! Всем отделам подготовиться к коррективке!

Площадка снова пришла в движение, сотрудники начали проверять оборудование, но теперь у каждого появилось ещё одно занятие – украдкой поглядывать на киноактёра, на которого возлагали такие огромные надежды.

Чжэн Юаньшэн подошёл к нему вплотную:

- Состояние не то. Следи за ритмом. Эмоции должны быть многослойными, не отводи взгляд. Даю тебе несколько минут, чтобы настроиться.

Ши Цзянь бесстрастно кивнул, слегка сжав ладони.

Исполнительный режиссёр внимательно следил за часами, готовясь к следующей попытке, а из динамиков постоянно доносились указания различным отделам проверить детали.

Площадка работала слаженно, словно идеально отлаженный часовой механизм.

И лишь центральная фигура фильма стояла в стороне, вцепившись в собственные ладони, словно была абсолютно чужой в этом мире.

- Сегодня нужно идти на площадку.

- Что? Хочешь, чтобы я запустил фейерверк в горах в твою честь? Поздравляю, великая звезда наконец выбралась из этой дыры и взлетела на вершину?

- Нет, я просто хотел сказать тебе...

- Довольно, – холодный голос на том конце прервал его. – У меня нет времени слушать этот бред. Занимайся своим делом и не вздумай всё испортить, тратя моё время впустую.

В углу шумной площадки в ушах Ши Цзяня звенело. Он смотрел на сценарий в своих руках, где четыре иероглифа названия «Под суетой» искажались и плыли перед глазами.

Он подумал, что Чу Юнь оказался абсолютно прав.

Он действительно тратит время всех присутствующих.

<http://bllate.org/book/17941/1720634>